

БОГ БЫЛ ЗА НЕГО

К 125-летию со дня рождения Михаила Пришвина

ПИСАТЕЛЬ, натуралист, географ, этнограф Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) — один из выдающихся мастеров русской прозы. В автобиографическом романе «Кашеева цепь» он пишет: «Родился я в 1873 году в селе Хрущево, Соловьевской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии, по старому стилю 23 января, когда прибавляется свет на земле и у разных пушиных зверей начинаются свадьбы». Таким образом, происходил он из знаменитого орловского литературного гнезда, давшего русской да мировой литературе таких писателей, как Иван Тургенев, Афанасий Фет, Николай Лесков, Иван Бунин, Леонид Андреев. В одном ряду с этими литературными звездами — и сам Михаил Пришвин. Уже о его первых книгах Александр Блок сказал: «Это, конечно, поэзия, но и еще что-то». А М. Горький писал Пришвину: «Ни у кого <...> не находил я такой всеохватывающей, пронзительной и ликующей любви к земле нашей, ко всему ее живому и — якобы — мертвому <...>. И когда я читаю «фенологические» домыслы и рассуждения Ваши — улыбаюсь, смеюсь от радости, — до чего изумительно прелестно все у Вас! Не преувеличиваю, это мое истинное ощущение совершенно исключительной красоты, силою которой светлейшая душа Ваша освещает всю жизнь, придавая птицам, травам, зайцам <...> какую-то необыкновенную значительность и оправданность».

ЗДЕСЬ пойдет речь о довольно частном эпизоде — неизвестном письме Пришвина Марии Дмитриевне Менделеевой-Кузьминой (1896—1952), младшей дочери великого русского химика. Эпизод частный и в то же время чрезвычайно значительный для писателя. Но все по порядку. Что способствовало дружбе этих двух людей? Прежде всего, несомненно, любовь к природе: объединяла страсть к охоте и собакам. Мария Дмитриевна, кстати, была одним из лучших наших кинологов (специалистов по собакам), экспертом крупнейших собачьих выставок и соревнований. С 1934 года до кончины она — директор музея Д.И. Менделеева в Ленинграде. Но и тогда все свободное время отдавала своим пристрастиям.

Немаловажно для Пришвина было и то, что Мария Дмитриевна — дочь Менделеева, преклонение перед гением которого он испытывал еще в юности, в студенческие годы. В дневнике 1918 года он признается: «...смутные умственные запросы, гнавшие меня с факультета на факультет, какая-то особенная ежедневная вера, что чтением какой-нибудь книги я сразу все себе и разрешу. Так я взялся за химию как за алхимию и плохо делал анализы, в то же время читал Менделеева страстно, и если бы меня спросили в это время, какая будет у меня жена, я сказал бы, что несомненно будет химиком...». К тому же Мария Дмитриевна была родной сестрой жены Александра Блока, с которым Пришвин был знаком и которого высоко ценил. Настоящий мастер фотографии, Пришвин сделал также фотопортрет Марии Дмитриевны. Н.В. Реформатская, в 1930 году отправившись с мужем на охоту по угличскому тракту, заехала к Пришвину, жившему в деревне Переславищи, и впоследствии вспоминала: «За столом Пришвин показал свои снимки, сделанные в местах, куда мы направлялись, и портрет известного кинолога и специалиста по породе континентальных легавых — М.Д. Менделеевой-Кузьминой. «Это ведь

сестра жены Блока, — пояснил мне без удовольствия Пришвин, — я знал его и когда-нибудь потом расскажу о нем». У меня нет сведений о том, когда познакомились М.М. Пришвин и М.Д. Менделеева, но это вполне могло произойти еще в дореволюционные годы: жили они сравнительно близко друг от друга и охотились примерно в одних и тех же местах. Во всяком случае в 1920—1930-е годы они стали очень близкими знакомыми. Так, в сохранившейся адресной книге М.Д. Менделеевой записаны целых три адреса Пришвина.

ВЕРНЕМСЯ к истории с письмом. 6 июля 1937 года Пришвин записывает в дневнике: «Мария Дмитриевна Менделеева прислала философское письмо, в котором называет меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить. Интересно мне, что ее упрек «в доброте» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в бесчеловечности. На самом деле я не так-то «добр» и не так-то бесчеловечен. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще о природе от лица такого человека, который в жизни своей или вовсе не был оскорблен, или преодолел бы свое оскорбление, например, на то самое, что вызвало злобу. Я не беру такого человека из головы, не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа, и я взялся за нее, как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы. Вот отчего в своих книгах я оптимист, и совсем неискоренимый, потому что всего себя отдал служению неоскорбленного существа человека. Если бы я ошибался, то, наверно, давно бы попал в дом умалишенных, но выходит напротив: у меня появляется друзей все больше и больше, даже в Англии, даже в Германии «Жень-шень» назван мужественной книгой. Я даже теперь настолько убедился в реальности своего неоскорбленного видения, что считаю себя первым настоящим коммунистом, потому что действительно новый мир можно построить только из неоскорбленного существа человека («Красота спасет мир», — сказал Достоевский)».

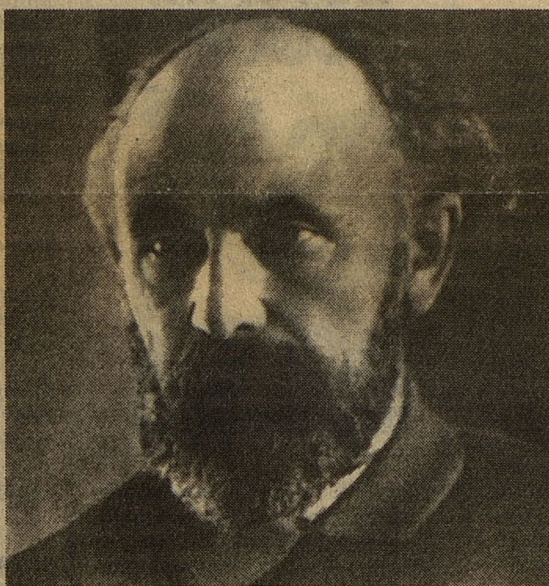
Первой в «без-человечности» обвинила Пришвина Зинаида Гиппиус еще в 1913 году. Обвиняли и другие, даже Андрей Платонов. И Пришвин всегда тяжело переживал подобные обвинения «в уходе от людей, действительности, от главных вопросов бытия» и постоянно защищал свой творческий метод, свое место в литературе. Так, 17 февраля того же 1937 года он записывает в дневнике: «...можно писать о животных и до смерти волноваться судьбой своей родной страны». Или в январе 1941-го в письме В.П. Ставскому: «...за моими цветочками и зверушками

очень прозрачно виден человек нашей Родины».

ИНТЕРЕСНО, что на письмо Менделеевой Пришвин ответил не сразу, а только через 12 дней. И, как мне кажется, дело не только в том, что он все это время был «на ходу» — между Москвой, Загорском и Терабевым, но и в том, что «философское» письмо Марии Дмитриевны задело его «больные струны». И в пришвинском дневнике снова и снова идут записи, связанные с ответом Менделеевой.

8 июля 1937 г.: «Думаю о «по ту сторону добра и зла» — там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находится родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра, и потому поэта часто считают добрым человеком. Поэзия начинается не от добра. По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой проходят через облака добра и зла...»

11 июля 1937 г.: «Писать по художеству, как все равно и любить что-нибудь, возможно,

лишь забывая личные обиды. Я пишу, конечно, в обход всяких обид из целины души и, вспоминая все пережитое, не знаю, как объяснить сохранность в себе неуязвленных мест. Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода».

18 июля 1937 г.: «Вспоминали с Павловой (женой. — А.Т.) мою сдавленную жизнь и сохраненную мной радость творчества («геооптимизм»)».

18 июля в Загорске Пришвин пишет наконец-то ответное письмо М.Д. Менделеевой в Ленинград. Письмо это долгие годы хранилось в семье адресата, и только в начале 1991-го Александр Каменский, правнук Менделеева, с разрешения своей матери Екатерины Дмитриевны Кузьминой-Каменской (Менделеевой) уступил его мне.

М.М. Пришвин — М.Д. Менделеевой-Кузьминой
18 июля 1937 г. Загорск.

Дорогая Мария Дмитриевна! Пишу Вам на ходу между Москвой, Загорском и одним лесным уголкем, верст 20 от Загорска. В Москве отделяю наконец-то полученную квартиру, в Загорске жена, в Терабеве мы с сыном занимаемся лесом: он делает научную экологию

кую работу и я с ним, его тема фауна леса по ярусам, у него сейчас нижний ярус, корни и в корнях землеройки, у меня вышший — крона и в кроне, в вышшем ярусе птицы Сирин и Алконост. Нас посещают иногда и ученые, как Серг. Ив. Огнев, имеем постоянную связь с Формозовым и друг. Они, конечно, как им и полагается, с улыбкой смотрят на мои опыты, а я этим очень доволен: им и не подлежит глядеть в ту область поэзии, о которой Вы пишете.

По сложности тем, которые Вы затрагиваете в Вашем письме, мне сейчас на ходу невозможно ответить. Я только замечу о моей «доброте». Вы, как и многие, выводите поэзию из «добраго человека»: это чистейшая иллюзия! Лучше всех понимает это моя жена, которая и мне же самому открыла глаза на отдельный вполне самобытный и независимый (относительно) уголок души, в котором находятся истоки красоты. Мне лично эта часть души представляется как бы неоскорбляемой. Получив достаточную научную

подготовку, я с самого начала своей писательской деятельности разделил эти области деятельности — научную, революционную (вследствие оскорбленности души) и художественную (из неоскорбляемых радиолов <?>). Как революционер и заговариваю себя: дай, Боже, силу ничего не забыть и ничего не простить. Но выше всего в мире я считаю неоскорбляемую душу, где и вопроса нет о «примирении» (как Вы пишете): там вообще как бы точка равновесия. Чтобы действовать, революционер должен как бы выйти из себя; чтобы творить красоту, надо прийти в себя.

Когда же придешь в себя, то и весь мир тут вместе с тобой, как целое. Но право, я разучился рассуждать, могу писать лишь из внутреннего опыта. Сердечный привет мой Вам! Михаил Пришвин.

СОХРАНИЛСЯ и конверт этого письма с надписями М.М. Пришвина: «Ленинград 164 Вас. О. Университ. набер. д. 5 кв. 24»

Марии Дмитриевне Менделеевой-Кузьминой. От М.М. Пришвина

Загорск Комсомольская 85». И штемпели на конверте: «Загорск Мос. обл. 20.7.37» и «Ленинград 21.VII.37» (письмо от Загорска до Ленинграда шло всего сутки! А сейчас...)

Как мы видим, основой письма стали те размышления замечательного писателя и очень мужественного человека (позднее он писал, что в эти страшные годы уцелел только потому, что Бог был за него), которые он вписывал в свой дневник после получения письма от М.Д. Менделеевой.

Поэтому прокомментируем лишь некоторые реалии письма: В Москве отделяю наконец-то полученную квартиру — Пришвину была предоставлена квартира в Лаврушенском пер., д. 17/19.

В Загорске жена — Ефросинья Павловна Пришвина (1883—1953), простая смолен-

ская крестьянка, с которой Пришвин прожил 34 года. «Через деревенскую женщину я входил в природу, в народ, в русский родной язык, в слово» — это о ней. В 1937 году они расстались: она осталась жить в Загорске, а писатель переехал в Москву.

Мы с сыном занимаемся лесом — речь идет о младшем сыне Петре Михайловиче Пришвине (1909—1987), зоотехнике по образованию, охотоведе, помощнике отца, участнике многочисленных его путешествий и даже герое его охотничьих рассказов. Позднее П.М. Пришвин писал: «...я, с детства сопровождавший отца почти во всех его путешествиях и охотах, знал, что многое, о чем пишет в своих произведениях отец, не фантазия». Н.В. Реформатская вспоминала о П.М. Пришвине: «Внешне похожий на отца, он унаследовал от него дар рассказчика и удивительно живо рассказывал о различных своих наблюдениях из жизни природы».

Сергей Иванович Огнев (1886—1951), зоолог, основатель московской научной школы териологов, профессор МГУ, автор классической сводки «Звери СССР» (т. 1—7, 1928—1950).

Александр Николаевич Формозов (1899—1973), биолог, биогеограф, художник-анималист. Одним из его главных трудов была книга «Колебания численности промысловых животных» (1935).

Получив достаточную научную подготовку... — в 1890-х Пришвин учился на химико-агрономическом отделении Рижского политехникума, в 1899-м уехал в Германию, где окончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Вернувшись в Россию, работал агрономом в Клинском уезде Московской губернии, затем в Петровской сельскохозяйственной академии, в вегетационной лаборатории под руководством проф. Д.Н. Прянишникова, впоследствии академика, основателя агрохимической школы. Пришвин вполне мог стать крупным ученым, если бы не победила страсть к писательству.

... как революционер — в 1897 году, учась в Риге, Пришвин участвовал в работе марксистского студенческого кружка. Был арестован, сидел в одиночной камере Митавской тюрьмы, затем отбыл двухгодичную ссылку. Его земляком и другом юности был Н.А. Семашко, будущий крупный большевик, а затем и нарком здравоохранения РСФСР. Впоследствии писатель глубоко разочаровался в реальных действиях большевистских властей, даже арестовывался ими, бедствовал... Человек мужественный, свободомыслящий, он и в 30-е не боялся выбирать себе достойных друзей, людей чести — В.А. Фаворского, Р.В. Иванова-Разумника, П.Л. Капицу и им подобных. И до самого конца оставался верным своим творческим принципам. М. Горький точно схватил его суть как писателя и человека: «...Вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого упрямства человек» (письмо от 28 апреля 1934 г.).

НА МОГИЛЕ Пришвина на Введенских горах скульптор С.Т. Коненков установил надгробный памятник — мраморную Птицу Сирин (из древнерусской мифологии), увидев в ней символ творчества замечательного писателя — помните, в письме Пришвина к М.Д. Менделеевой упоминаются как его музы Сирин и другая сказочная птица Алконост (тоже с человеческим лицом!).

А. ТОЛСТЯКОВ

Пришвин
Михаил

03.02.98

БОГ БЫЛ ЗА НЕГО

К 125-летию со дня рождения Михаила Пришвина

ПИСАТЕЛЬ, натуралист, географ, этнограф Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) — один из выдающихся мастеров русской прозы. В автобиографическом романе «Кашеева цепь» он пишет: «Родился я в 1873 году в селе Хрущево, Соловьевской волости, Елецкого уезда, Орловской губернии, по старому стилю 23 января, когда прибавляется свет на земле и у разных пушиных зверей начинаются свадьбы». Таким образом, происходил он из знаменитого орловского литературного гнезда, давшего русской да и мировой литературе таких писателей, как Иван Тургенев, Афанасий Фет, Николай Лесков, Иван Бунин, Леонид Андреев. В одном ряду с этими литературными звездами — и сам Михаил Пришвин. Уже о его первых книгах Александр Блок сказал: «Это, конечно, поэзия, но и еще что-то». А М. Горький писал Пришвину: «Ни у кого <...> не находил я такой всеохватывающей, пронзительной и ликующей любви к земле нашей, ко всему ее живому и — якобы — мертвому <...>. И когда я читаю «фенологические» домыслы и рассуждения Ваши — улыбаюсь, смеюсь от радости, — до чего изумительно прелестно все у Вас! Не преувеличиваю, это мое истинное ощущение совершенно исключительной красоты, силою которой светлейшая душа Ваша освещает всю жизнь, придавая птицам, травам, зайцам <...> какую-то необыкновенную значительность и оправданность».

ЗДЕСЬ пойдет речь о довольно частном эпизоде — неизвестном письме Пришвина Марии Дмитриевне Менделеевой-Кузьминой (1896—1952), младшей дочери великого русского химика. Эпизоду частному и в то же время чрезвычайно значительному для писателя. Но все по порядку. Что способствовало дружбе этих двух людей? Прежде всего, несомненно, любовь к природе: объединяла страсть к охоте и собакам. Мария Дмитриевна, кстати, была одним из лучших наших кинологов (специалистов по собакам), экспертом крупнейших собачьих выставок и соревнований. С 1934 года до кончины она — директор музея Д.И. Менделеева в Ленинграде. Но и тогда все свободное время отдавала своим пристрастиям.

Немаловажным для Пришвина было и то, что Мария Дмитриевна — дочь Менделеева, преклонение перед гением которого он испытывал еще в юности, в студенческие годы. В дневнике 1918 года он признается: «...смутные умственные запросы, гнавшие меня с факультета на факультет, какая-то особенная ежедневная вера, что чтением какой-нибудь книги я сразу все себе и разрешу. Так я взялся за химию как за алхимию и плохо делал анализы, в то же время читал Менделеева страстно, и если бы меня спросили в это время, какая будет у меня жена, я сказал бы, что несомненно будет химиком...» К тому же Мария Дмитриевна была родной сестрой жены Александра Блока, с которым Пришвин был знаком и которого высоко ценил. Настоящий мастер фотографии, Пришвин сделал даже фотопортрет Марии Дмитриевны. Н.В. Реформатская, в 1930 году отпавившись с мужем на охоту по уличному тракту, заехала к Пришвину, жившему в деревне Переславищи, и впоследствии вспоминала: «За столом Пришвин показывал свои снимки, сделанные в местах, куда мы направлялись, и портрет известного кинолога и специалиста по породе континентальных легавых — М.Д. Менделеевой-Кузьминой. «Это ведь

сестра жены Блока, — пояснил он без удовольствия Пришвин, — я знал его и когда-нибудь потом расскажу о нем». У меня нет сведений о том, когда познакомились М.М. Пришвин и М.Д. Менделеева, но это вполне могло произойти еще в дореволюционные годы: жили они сравнительно близко друг от друга и охотились примерно в одних и тех же местах. Во всяком случае в 1920—1930-е годы они стали очень близкими знакомыми. Так, в сохранившейся адресной книге М.Д. Менделеевой записаны целых три адреса Пришвина.

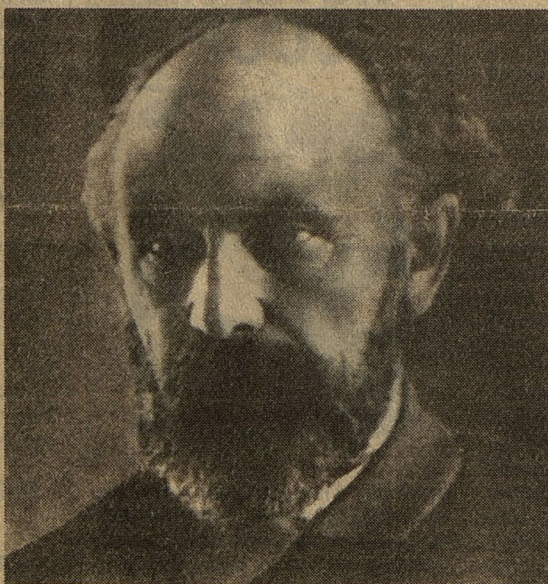
ВЕРНЕМСЯ к истории с письмом. 6 июля 1937 года Пришвин записывает в дневнике: «Мария Дмитриевна Менделеева прислала философское письмо, в котором называет меня очень добрым человеком, пытающимся все примирить. Интересно мне, что ее упрек «в доброте» исходит из того же источника, что и у тех, кто упрекает меня в бесчеловечности. На самом деле я не так-то «добр» и не так-то бесчеловечен. Я пишу о зверях, деревьях, птицах, вообще о природе от лица такого человека, который в жизни своей или вовсе не был оскорблен, или преодолел бы свое оскорбление, например, на то самое, что вызвало злобу. Я не беру такого человека из головы, не выдумываю, это я сам лично, поместивший занятие свое искусством слова в ту часть своего существа, которая осталась неоскорбленной. Впрочем, я тогда не думал о себе, мне думалось, что вся поэзия вытекает из неоскорбляемой части человеческого существа, и я взялся за нее, как за якорь личного спасения от оскорбления и злобы. Вот отчего в своих книгах я оптимист, и совсем неискоренимый, потому что все себя отдал служению неоскорбленного существа человека. Если бы я ошибался, то, наверно, давно бы попал в дом умалишенных, но выходит напротив: у меня появляются друзья все больше и больше, даже в Англии, даже в Германии «Жень-шень» назван «мужественной» книгой. Я даже теперь настолько убедился в реальности своего «неоскорбленного веденья», что считаю себя первым настоящим коммунистом, потому что действительно новый мир можно построить только из неоскорбленного существа человека («Красота спасет мир», — сказал Достоевский)».

Первой в «без-человечности» обвинила Пришвина Зинаида Гиппиус еще в 1913 году. Обвиняли и другие, даже Андрей Платонов. И Пришвин всегда тяжело переживал подобные обвинения «в уходе от людей, действительности, от главных вопросов бытия» и постоянно защищал свой творческий метод, свое место в литературе. Так, 17 февраля того же 1937 года он записывает в дневнике: «...можно писать о животных и до смерти волноваться судьбой своей родной страны». Или в январе 1941-го в письме В.П. Ставскому: «...за моими цветочками и зверушками

очень прозрачно виден человек нашей Родины».

ИНТЕРЕСНО, что на письмо Менделеевой Пришвин ответил не сразу, а только через 12 дней. И, как мне кажется, дело не только в том, что он все это время был «на ходу» — между Москвой, Загорском и Терабровым, но и в том, что «философское» письмо Марии Дмитриевны задело его «больные струны». И в пришвинском дневнике снова и снова идут записи, связанные с ответом Менделеевой. 8 июля 1937 г.: «Думаю о «по ту сторону добра и зла» — там, где человек не оскорблен, не обижен. Там находятся родники поэзии. Проходя оттуда к нам через почву добра и зла, поэзия часто принимает вкус добра, и потому поэта часто считают добрым человеком. Поэзия начинается не от добра. По ту сторону добра и зла хранятся запасы мировой красоты, лучи которой проходят через облака добра и зла...»

11 июля 1937 г.: «Писать по художеству, как все равно и любить что-нибудь, возможно,

лишь забывая личные обиды. Я пишу, конечно, в обход всяких обид из целины души и, вспоминая все пережитое, не знаю, как объяснить сохранность в себе неуязвленных мест. Мне кажется, что в самой природе таланта заключается какое-то легкомыслие, вроде сорочки счастливого: родился в сорочке, и все как с гуся вода».

18 июля 1937 г.: «Вспоминали с Павловой (женой. — А.Т.) мою сдавленную жизнь и сохраненную мной радость творчества («геоптимизм»)».

18 июля в Загорске Пришвин пишет наконец-то ответное письмо М.Д. Менделеевой в Ленинград. Письмо это долгие годы хранилось в семье адресата, и только в начале 1991-го Александр Каменский, правнук Менделеева, с разрешения своей матери Екатерины Дмитриевны Кузьминой-Каменской (Менделеевой) уступил его мне.

М.М. Пришвин — М.Д. Менделеевой-Кузьминой
18 июля 1937 г. Загорск.

Дорогая Мария Дмитриевна! Пишу Вам на ходу между Москвой, Загорском и одним лесным уголком, верст 20 от Загорска. В Москве отделяю наконец-то полученную квартиру, в Загорске жена, в Тераброве мы с сыном занимаемся лесом: он делает научную экологи-

ческую работу и я с ним, его тема фауна леса по ярусам, у него сейчас нижний ярус, корни и в корнях землеройки, у меня вышший — крона и в кроне, в вышшем ярусе птицы Сирин и Алконост. Нас посещают иногда и ученые, как Серг. Ив. Огнев, имеем постоянную связь с Формозовым и друг. Они, конечно, как им и полагается, с улыбкой смотрят на мои опыты, а я этим очень доволен: им и не подлежит глядеть в ту область поэзии, о которой Вы пишете.

По сложности тем, которые Вы затрагиваете в Вашем письме, мне сейчас на ходу невозможно ответить. Я только замечу о моей «доброте». Вы, как и многие, выводите поэзию из «добраго человека»: это чистейшая иллюзия! Лучшее всех понимает это моя жена, которая и мне же самому открыла глаза на отдельный вполне самобытный и независимый (относительно) уголок души, в котором находятся истоки красоты. Мне лично эта часть души представляется как бы неоскорбляемой. Получив достаточную научную

подготовку, я с самого начала своей писательской деятельности разделил эти области деятельности — научную, революционную (вследствие оскорбленности души) и художественную (из неоскорбляемых радиолов <?>). Как революционер и заговариваю себя: дай, Боже, силу ничего не забыть и ничего не простить. Но выше всего в мире я считаю неоскорбляемую душу, где и вопроса нет о «примирении» (как Вы пишете): там вообще как бы точка равновесия. Чтобы действовать, революционер должен как бы выйти из себя; чтобы творить красоту, надо прийти в себя. Когда же придешь в себя, то и весь мир тут вместе с тобой, как целое. Но право, я разучился рассуждать, могу писать лишь из внутреннего опыта.

Сердечный привет мой Вам!
Михаил Пришвин.

СОХРАНИЛСЯ и конверт этого письма с надписями М.М. Пришвина: «Ленинград 164 Вас. О. Университ. набер. д. 5 кв. 24»

Марии Дмитриевне Менделеевой-Кузьминой.

От М.М. Пришвина

Загорск Комсомольская 85». И штемпели на конверте: «Загорск Мос. обл. 20.7.37» и «Ленинград 21.VII.37» (письмо от Загорска до Ленинграда шло всего сутки! А сейчас...)

Как мы видим, основой письма стали те размышления замечательного писателя и очень мужественного человека (позднее он писал, что в эти страшные годы уцелел только потому, что Бог был за него), которые он вписывал в свой дневник после получения письма от М.Д. Менделеевой.

Поэтому прокомментируем лишь некоторые реалии письма: В Москве отделяю наконец-то полученную квартиру — Пришвину была предоставлена квартира в Лаврушенском пер., д. 17/19.

В Загорске жена — Ефросинья Павловна Пришвина (1883—1953), простая смолен-

ская крестьянка, с которой Пришвин прожил 34 года. «Через деревенскую женщину я входил в природу, в народ, в русский родной язык, в слово» — это о ней. В 1937 году они расстались: она осталась жить в Загорске, а писатель переехал в Москву.

Мы с сыном занимаемся лесом — речь идет о младшем сыне Петре Михайловиче Пришвине (1909—1987), зоотехнике по образованию, охотоведу, помощнике отца, участнике многочисленных его путешествий и даже герое его охотничьих рассказов. Позднее П.М. Пришвин писал: «...я, с детства сопровождавший отца почти во всех его путешествиях и охотах, знал, что многое, о чем пишет в своих произведениях отец, не фантазия». Н.В. Реформатская вспоминала о П.М. Пришвине: «Внешне похожий на отца, он унаследовал от него дар рассказчика и удивительно живо рассказывал о различных своих наблюдениях из жизни природы».

Сергей Иванович Огнев (1886—1951), зоолог, основатель московской научной школы териологов, профессор МГУ, автор классической сводки «Звери СССР» (т. 1—7, 1928—1950).

Александр Николаевич Формозов (1899—1973), биолог, биогеограф, художник-анималист. Одним из его главных трудов была книга «Колебания численности промысловых животных» (1935).

Получив достаточную научную подготовку... — в 1890-х Пришвин учился на химико-агрономическом отделении Рижского политехникума, в 1899-м уехал в Германию, где окончил агрономическое отделение философского факультета Лейпцигского университета. Вернувшись в Россию, работал агрономом в Клинском уезде Московской губернии, затем в Петровской сельскохозяйственной академии, в вегетационной лаборатории под руководством проф. Д.Н. Прянишникова, впоследствии академика, основателя агрохимической школы. Пришвин вполне мог стать крупным ученым, если бы не победила страсть к писательству.

... как революционер — в 1897 году, учась в Риге, Пришвин участвовал в работе марксистского студенческого кружка. Был арестован, сидел в одиночной камере Митавской тюрьмы, затем отбыл двухгодичную ссылку. Его земляком и другом юности был Н.А. Семашко, будущий крупный большевик, а затем и нарком здравоохранения РСФСР. Впоследствии писатель глубоко разочаровался в реальных действиях большевистских властей, даже арестовывался ими, бедствовал... Человек мужественный, свободомыслящий, он и в 30-е не боялся выбирать себе достойных друзей, людей чести — В.А. Фаворского, Р.В. Иванова-Разумника, П.Л. Капицу и им подобных. И до самого конца оставался верным своим творческим принципам. М. Горький точно схватил его суть как писателя и человека: «...Вы для меня один из оригинальнейших национальных литераторов, большого таланта и великого прямого человека» (письмо от 28 апреля 1934 г.).

НА МОГИЛЕ Пришвина на Введенских горах скульптор С.Т. Коненков установил надгробный памятник — мраморную Птицу Сирин (из древнерусской мифологии), увидев в ней символ творчества замечательного писателя — помните, в письме Пришвина к М.Д. Менделеевой упоминаются как его музы Сирин и другая сказочная птица Алконост (тоже с человеческим лицом!).

А.ТОЛСТЯКОВ.